

Время — детство!

Марина Аромштам

БОРОН КЛАРА И ЯБЛОЧНЫЙ ГОД

Москва 2016

УДК 82-053.2
ББК 84-45
А84

Макет и оформление — *Валерий Калныньш*

Иллюстрации — *Вера Кортаева*

Аромштам М. С.

Ворон Клара и яблочный год : Сказка / М. С. Аромштам. — М. :
Время, 2016. — 80 с. : илл. — (Серия «Время — детство!»)

ISBN 978-5-9691-1518-7

Есть ли у яблок память? И о чём они могут помнить? Если вóрон — не муж вóроны, то как назвать жену вóрона? И что означает слово «натюрморт»? С такими вопросами и ответами на них вы встретитесь на страницах этой книжки. Только не думайте, что перед вами познавательная энциклопедия из разряда «Сто вопросов — сто ответов».

Это весёлая сказка. Такая весёлая, что временами хочется плакать. Её герои решают для себя важнейшие вопросы бытия и самоопределения. Они даже отвечают на вопрос — что такое подвиг. Правда — не словами. Вообще-то слово «подвиг» исторически связано со словами «двигать» и «движение». А в нашей современной реальности очень часто подвиг — это просто быть самим собой.

ББК 84-45

ISBN: 978-5-9691-1518-7

© М. Аромштам, текст, 2016
© «Время», 2016

Ворон Клара
и яблочный год

(6)

1

— Карл! Карл-у-кларры, Дерево! — На ветку яблони села крупная чёрная птица. — Как поживаете?

Яблоня в ответ приветливо скрипнула. Ей нравились птицы. Даже синицы, которые совершенно бесстыдно выклёвывали подсолнухи на грядке: с ловкостью цирковых акробатов забирались под марлевые колпаки, которыми хозяин укутывал цветочные головки, и — щёлк-щёлк — быстро выковыривали семечки. Даже дрозды, которые налетали в августе хулиганскими стаями, опустошали вишни

и расклёвывали яблоки. А крупная чёрная птица нравилась ей больше всех. Она была говорящей — любила поговорить, и это наложило печать на их отношения.

Когда чёрная птица впервые появилась в саду, она тут же увидела яблоню, подлетела и стала устраиваться на ветке:

— Карл! Дерево, я тут присяду... Хотя ваши кривые рруки не очень-то ррасполагают... Кстати, я — Кларра. Вёррон!

(10 — Ворон? Вы ворон, Клара? — Яблоня не хотела обидеть гостью сомнениями. Просто она никогда не видела ворона и очень удивилась.

Но Клара захлопала крыльями и обиженно закричала:

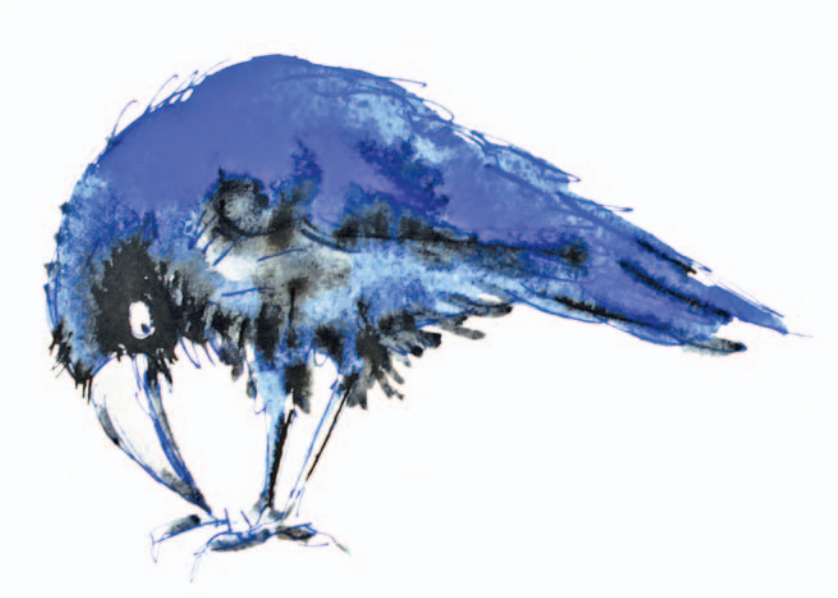
— Карл-у-кларры, Дерево! Почему бы мне не быть ворроном? Все невежды уверены, что воррон — муж ворроны. Страшные предррассудки! Вёрроны — это вёрроны. А вор-

рбны — воррбны. Только не вздумайте, Дерево, называть меня ворронихой. «Поэтесса» — и то съедобнее. «Музыкантша» — терпимее. Хотя и от них у меня сводит лапки и покалывает в носу. Едва я присела на ваши кривые рруки, как вы стали меня оскоррблять!

— Что вы, что вы, — слегка опешила Яблоня. — Я так рада, что вы присели. Мне так хочется с вами поговорить. Мелкие птички суеются, шумят и не любят серьёзные темы. У них слишком много мелких забот. Вы так от них отличаетесь! Придвигайтесь поближе к стволу. Там у ветки такой изгиб — и вам будет удобнее. Я и не думала, будто вы поэтесса. Я не буду вас так называть. Не волнуйтесь, пожалуйста.

— Да уж, пррошу уволить... — ворчливо сказала Клара и, пару раз хлопнув крыльями, устроилась поудобнее.

2

— Карл! Карл-у-кларры, Дерево! Вы слышали, что они говорили? Представители местной человеческой стаи? Они утверждают, что я представляю для них интерес! Что я достопримечательность! Украшение сада! И меня надо подкармливать! — Клара так волновалась, что ветка под ней дрожала. — Прраво, приятные человеческие разновидности.

Вы не поверите, Дерево, но это не в первый раз. Я уже была украшением! Я была достопримечательностью. Я говорила: «Кларра!» — и все приходили в восторг. Вам

нравится, как звучит «Кларра»? Так меня звали там, где я раньше жила. У юных натуралистов. У них были разные книжки. И там было про Кларру. Правда, там Кларра была вороной. И её выдали замуж... За кого бы, вы думали, Дерево? Карл-у-кларры... За воррона! Представляете? Предрассудки! Даже юные натуралисты не считают зазорным выдать воррону за воррона. А ведь натюрр... Вы знаете, что такое «натюрр»? Это значит «природа». Иногда «натюрр» — не просто «натюрр», а «морте». То есть мёртвая, вы понимаете? Тогда её почему-то принято рисовать. Это дело художников — рисовать натюррморты. Но если натюрр не моррте, тогда за ней наблюдают, кормят её, чистят клетку. Тогда художник не нужен. Нужен натуралист. И как правило, юный. А они не всегда способны отличить воррону от воррона. Но я прощала эту нелепость юным натуралистам. Я сохраняла внутреннее достоинство — рраз они чистят клетку. Клетка, однако, всё-таки тесновата.

(14 И хочется рразнообрразия... Дверцу забыли закрыть. Самое сложное — прролезть в оконную щель...

Но я не прочь опять побыть достопримечательностью. Вы давно тут живёте, Дерево? Что? Не помните, сколько лет? Считают обычно по годичным кольцам на пне? Нет, зачем же такие крайности! Рразве нет дрругих способов?

Ах вы знаете бабушку? Ту особь преклонного возраста, которая догадалась, что меня зовут Кларра? Поразительно сообразительна! Что? Вы помните, как она была невысоким росточком? Она – росточком, а вы – уже Деревом? Карл-у-кларры... Забавно. Особь преклонного возраста вызывает симпатию. Она чем-то очень похожа на юного натуралиста. Карр, они все выглядят дружелюбно. И самый юный натуралист, и другие, постарше.

Да и сами вы, Дерево, не вызываете у меня особого отторжения. Ваши корявые руки в чём-то вполне практичны.

Нет причин, по которым я не могу тут прижиться.

3

— Как поживаете, Дерево? Как вам весна и всё прочее?

— Весна — это замечательно. Все радуются весне.

(16 — Да? — Клара переступила на ветку потолще. — Вы так считаете, Дерево? И вас ничто не тревожит? Вы слышали, что ожидается яблочный год?

— Значит, вы уже знаете...

— Дерево! Не смешите меня. Я знаю всё что нужно. В отличие от деревьев я умею летать. В соседних садах всё цветёт. Вот что я вам скажу. И яблони зацвели.

— Я так рада за них, — тихо вздохнула Яблоня.

— Карл-у-кларры... Что значит «ррада»? Дерево, вы не-норрмальное? Говорю вам: яблочный год. Яблони зацвели. И вы тоже, кажется, яблоня. Только вы не цветёте. Хочу вас предупредить: вы рискуете жизнью. Через три дома отсюда выррубили яблони, которые не зацвели. Они за-слоняли солнце тем, которые плодоносят. Правда, юные натюрралисты, обитающие в этом доме, — симпатичные особи. Возможно, для них не важно, что вы заслоняете солнце. Но лучше бы подстраховаться. Вы обязаны зацвести.

— Я очень старая, Клара. А цветение — счастье. Счастье требует сил...

— Карл-у-кларры, Дерево, не прикидывайтесь пеньком! Это форма изощрённого эгоизма. Вы как будто забыли: я делю с вами место и время. Вспомните: вы — организм. У каждого организма есть резервные силы. Эту тему очень любили юные натюрралисты. А вам всего-то и нужно, что втянуть в себя больше соков. Вдохните поглубже, подумайте о хоррошем. О воррбнах, о вёрронах. Вы вообще-то помните, что я — достопримечательность?

— О, конечно, Клара, я помню! Как я могу забыть?

— Вот и не забывайте.

— Нет-нет, я не забываю!

— Дерево, вы попугай? Что вы всё повторяете? Или вы думаете, что попугаи цветут? Лучше втягивайте в себя соки, — проворчала сердито Клара.

Яблоня еле заметно вздохнула.

А птица решила, что разговор становится утомительным, нахохлилась и умолкла.

4

Ворон Клара вернулась после недолгой отлучки.

— Ах, Клара! Я рада вас видеть, — сказала ей Яблоня. —

(20 Присаживайтесь, пожалуйста.

— Приглашаете, карл-у-кларры? Ах, какое гостеприимство! Но я не вижу, куда можно присесть. Вы меня ослепляете.

— Ослепляю? — не поверила Яблоня.

— Да. Ослепляете. Улыбаетесь на весь сад. От вашей улыбки крружится голова.

— Клара, я зацвела, — тихо сказала Яблоня. — Присаживайтесь, пожалуйста... Лучше чуть-чуть пониже. И немного левее. Так вам лучше будет виден цветок.

Клара уселась на ветку и уставилась на цветок:

— Та престарелая особь, которая всё равно что юный натюрралист... Она сказала: вы можете не цвести. Она всё равно вас любит. Будто вы человек. Карл-у-кларры... Как странно. Но она утверждала, будто вы сверху донизу увешаны воспоминаниями. Я только не поняла, чьи это воспоминания — ваши или её? И я совершенно не вижу, чем таким вы увешаны. Но иногда приходится верить на слово... Короче, убить вас не собирались. Ну и жили б себе спокойно. А то — «пониже, левее»... Теперь у вас только и мыслей, что об этом цветке. Вы вообще способны ещё о чём-нибудь думать? Или вы теперь ко всему равнодушны? Дерево, вы хуже пня с его годичными кольцами. Вы совершенно не думаете, что вёрроны очень рранимы. Они могут решить, что их брросили. И им теперь совершенно не с кем поговорить...

(21

— О, Клара, о чём вы хотите поговорить? Я готова вас слушать.

— О чём-о чём... — Клара ожидала встретить сопротивление. — Значит, вы зацвели... Должна вам сказать, это выглядит странно. Только один цветок — и тот с головку пиона. Вы уже старрое, Дерево, могли что-нибудь перепутать.

